

Чай Цзыжань с восхищением качал головой: «Не думал, что у Живого Ямы найдётся добрая сторона». Он обошел Юань Хана несколько раз, разглядывая его: «Раньше не замечал, а теперь, присмотревшись, вижу — ты тоже редкий красавец. Конечно, до своего господина тебе далеко, но ты куда приятнее Суй Фэна и Суй Ина».

Юань Хан, прикрыв грудь руками, настороженно отступил на шаг и, запинаясь, спросил: «Господин, вы... что задумали?»

Чай Цзыжань, подняв палец, принялся качать им перед лицом Юань Хана: «Не я, а Мо Цзюцзюнь».

Едва Юань Хан вспомнил, как прошлой ночью Мо Цзюцзюнь плыл по реке Суюй, как его всего пробрала дрожь. Он упал на колени, обхватил ноги господина и завопил: «Господин, спасите! Помогите мне!»

Чай Цзыжань уселся за письменный стол и с невозмутимым видом взял лежавший там сборник стихов. Раскрыв его, он показал Юань Хану страницу с эротическими рисунками мужской любви. Без тени смущения он положил книгу перед Юань Ханом, с удовлетворением наблюдая, как тот заливается краской стыда: «Это Мо Цзюцзюнь оставил у меня вчера. Ему такое по вкусу».

У Юань Хана перехватило дыхание, во рту пересохло, в глазах потемнело. Слезно он прошептал: «Господин, это... это же...»

Чай Цзыжань невозмутимо сообщил: «Мо Цзюцзюнь к тебе равнодушен».

Юань Хан в панике забился под стол, рыдая: «Небеса! Земля! Родная матушка!» Потом высунул голову и, с отчаянием глядя на господина, простонал: «Господин! У-у-у!»

Чай Цзыжань похлопал его по жалкой головёнке: «Дело ещё не дошло до худшего. Пока он лишь проникся к тебе лёгкой нежностью. Избегай его, и, возможно, он не станет прибегать к силе».

Юань Хан, видя спокойствие господина, немного успокоился сам. Выбравшись из-под стола, он спросил: «Господин, с чего вы взяли, что я ему нравлюсь? И почему не вы?»

«Три причины», — Чай Цзыжань поднял три пальца и постучал ими по голове Юань Хана. «Во-первых, мы знакомы с детства. Будь у него ко мне интерес, я бы знал. Во-вторых, вчера я его дразнил, раздевал, а он сбежал. Будь я ему по душе, убежать пришлось бы мне. В-третьих, среди ночи он позвал тебя смотреть, как он купается, и спрашивал, трогал ли я тебя. Ты ответил “да”. А сегодня утром Суй Фэн пришёл меня обслуживать». Он наклонился к Юань Хану с хитрой усмешкой: «Он боится, что я тебя обижу».

Юань Хан, видя, что господин всё разложил по полочкам, да ещё и с эротическими рисунками в качестве доказательства склонности Мо Цзюцзюня к мужчинам, содрогнулся. Он уцепился за рукав Чай Цзыжаня, выдавив две жалкие слезинки: «Господин, можно мне на несколько дней отпуска?» Помолчав, с видом полного отчаяния добавил: «Мне страшно».

Чай Цзыжань, пожалев его и понимая, что если Мо Цзюцзюнь вздумает принуждать Юань Хана, он бессилён что-либо сделать, лишь вздохнул: «Ступай».

Юань Хан, обрадовавшись, бросился прочь.

Суй Фэн, только что расставив умывальные принадлежности, нёс поднос с закусками. Увидев Юань Хана, он радостно окликнул: «Юань Хан, ты на кухню...»

Но мимо него лишь пронёсся ветер. Суй Фэн едва удержал поднос и с недоумением проводил взглядом рыдающего Юань Хана. В голове у него тут же всплыли наставления господина Мо Цзюцзюня, и он в панике ворвался в комнату. Там он увидел Чай Цзыжана, который, ухмыляясь, разглядывал эротические рисунки в обложке от сборника стихов. От шока Суй Фэн выронил поднос с закусками.

Он выхватил книгу из рук Чай Цзыжана, с укором произнес: «Я всего лишь на минутку вышел, а вы уже за своё?»

Чай Цзыжань недовольно покосился на мягкий золотой хлыст у пояса Суй Фэна. Если Мо Цзюцзюнь что-то ему наказал, признаваться в том, что он отпустил Юань Хана, было себе дороже. Он медленно отодвинулся от стола, отступил подальше от Суй Фэна и, бросившись вон из комнаты, завопил: «На помощь! Суй Фэн сейчас будет хлестать!»

Суй Фэн: «...»

Как говорится, новый начальник — три огня. А Мо Цзюцзюнь, будучи племянником императора и сыном Великой старшей принцессы, назначенный на должность скромного уездного начальника, конечно, не мог не разжечь их побольше. Вот только жителям уезда Суй Фэн было не до этих тонкостей. С самого полудня толпы народа ломались в ворота управы, жалуясь на что угодно — от кота, стащившего у соседа рыбу, до хулиганов, пристающих к красивым девушкам. Одного взгляда на эту кишашую у ворот толпу было достаточно, чтобы у Чай Цзыжана заняла голова.

Он прочистил горло и обратился к Мо Цзюцзюню, восседавшему на судейском месте с каменным лицом: «Ваше превосходительство, когда вы соблаговолите начать слушание дела? Простой народ кучкуется у ворот уже два часа». И добавил про себя: если ты не начнёшь работать, они, судя по их злобным лицам, ворвутся и разнесут этот зал суда.

Мо Цзюцзюнь просидел с каменным лицом уже три часа. Он бросил на Чай Цзыжана укоризненный взгляд. Чай Цзыжань растерянно посмотрел на Суй Фэна, тот поспешно опустил голову.

Мо Цзюцзюнь изрёк: «Пусть врываются. Суй Фэн и Суй Ин меня защитят». Суй Ин, и так стоявший рядом с ним, придвинулся ещё ближе.

«...» Чай Цзыжань почувствовал полное бессилие. Похоже, этот тип мстит ему за то, что тот отпустил Юань Хана. Полагаясь на свою способность гнуться, он умоляюще уставился на Суй Фэна: «Ты же сегодня утром клялся вечно меня защищать? Когда эти негодяи ворвутся, ты должен меня прикрыть!»

Суй Фэн, видя, как Чай Цзыжань к нему приближается, а взгляд Мо Цзюцзюня становится всё острее и острее, спокойно отступил за спину начальника и, почтительно сложив руки, отдалился: «Господин Цзыжань, вам следует просить...» — его взгляд скользнул вперёд.

Мо Цзюцзюнь с видом непоколебимой праведности медленно вытянул из-под стола длинную ногу.

«...» Чай Цзыжань внутренне боролся с собой. В это время ворота управы снаружи загрохотали под ударами. Кто-то орал: «Открывайте! Открывайте! Начальник должен слушать дело! Моя

рыбка погибла так жалко, вступитесь за меня!» Кричащий разразился рыданиями.

В тот миг, когда Мо Цюцзюнь уже собрался убрать ногу, Чай Цзыжань бросился обнимать её, заливаясь слезами и соплями: «Ваше превосходительство, спасите!» Если эта толпа ворвётся, его, хлипкого писаря, точно затравит насмешками.

Мо Цюцзюнь погладил его по голове и, усмехнувшись, сказал: «Начинаем слушание».

Чай Цзыжань с облегчением вздохнул.

С приходом нового начальника не только управа была отремонтирована, но и все старые служащие, набранные прежним начальником, были распущены. Теперь порядок в зале суда поддерживали высокие, суровые стражи, отобранные из тысяч солдат и специально обученные для защиты членов императорской семьи.

Облачённые в одежды служащих, они выстроились у ворот управы и принялись орать что есть мочи: «Тишина! В очередь! По одному! Посторонним в зал суда не входить!»

Чай Цзыжаня передёрнуло.

Торжественные ворота зала суда распахнулись, и яркий послеполуденный свет хлынул внутрь. Четыре иероглифа на табличке над судейским столом — «Честность и Справедливость» — ярко сверкнули под лучами.

Мо Цюцзюнь, как положено, громко стукнул судейским молотком и крикнул: «Тишина!»

Все присутствующие, от мала до велика, с изумлением уставились на нового начальника. Его черты были резкими, словно высеченными из камня, на нём был чёрный роскошный наряд, а на груди красовалось изображение оскалившейся волчьей головы, источающее свирепую ауру. Вся его осанка дышала благородством и уверенностью, внушая трепет. Хотя уезд Суюй и не был глухой провинцией, таких знатных особ здесь видели редко.

Сгорбленная старуха подняла морщинистое лицо, ослабившись гнилыми зубами: «Ваше превосходительство, а у вас жена есть? Моя внучка Чжан Хуахуа — красавица, может, познакомлю?»

Соседний старик с корзиной за спиной фыркнул: «Старуха Чжан, не губи человека! Твоя Чжан Хуахуа — звезда Терема Хуахуа, куда тебе её начальнику сватать?» И, ослабившись, добавил: «Вот моя А Хуэй — другое дело! Скромная девица, работающая, по дому управляется лучше вола».

<http://bllate.org/book/15931/1423875>